

Свѣтлячокъ

1904 г. ◦ годъ III ◦ № 1.

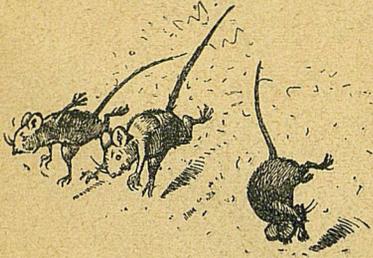
Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

ПЗ 709-55

Ой, какъ холодно!..

Сказки - коротышки

Досужей Мышки.

БРЕВНО и МИШКА

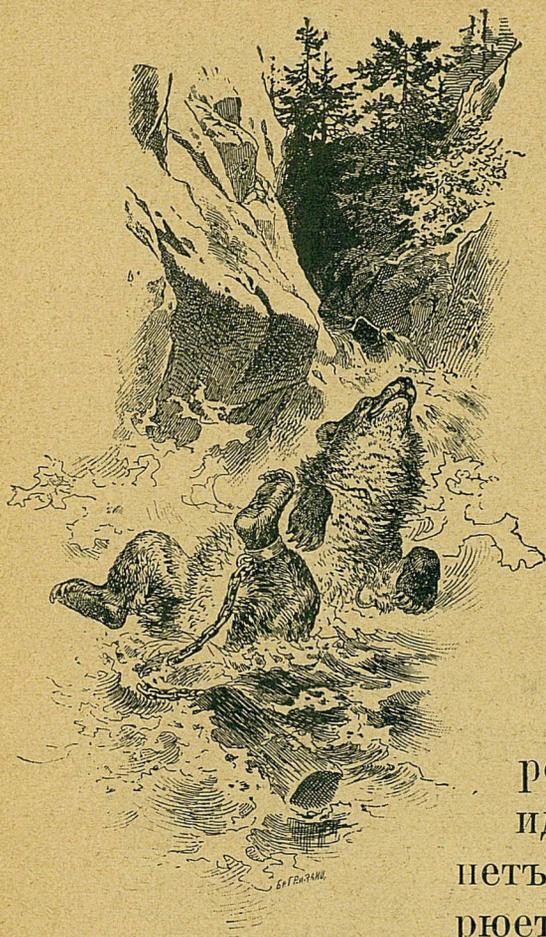
Жиль - былъ медвѣжонокъ въ неволѣ. А чтобъ убѣжать онъ не могъ, — приковали ему къ лапѣ тяжелое бревно на цѣпи. Мѣшаетъ бревно Мишкѣ ходить и на дерево влѣзть. И разсердился косолапый Мишка на него.

— Ты, — говоритъ, — во всемъ, бревно негодное, виновато.

Пошелъ медвѣжонокъ на крутой берегъ рѣки.

— Утоплю, — говоритъ, — бревно несносное, — горе - то мое лютое, вотъ и избавлюсь отъ него...

Стребь бревно въ лапы да и кинуль его въ воду. А бревно полетѣло въ рѣку да и Мишку за собой потащило.

Упалъ медвѣжонокъ въ рѣку, понесло его теченію, стало бить о камни, всего звѣря избило, изломало, исцарапало... Горе чистое!

Вылѣзъ Мишка на берегъ, обвязался весь,—идеть, охаетъ да стонеть, пуще прежняго горюетъ...

— Ой, горе мое, горе лютое!.. Во всемъ бревно виновато... Оно меня въ неволѣ держить.

Молчитъ бревно,—словно не о немъ и рѣчь идетъ. Знаетъ оно, что зря его медвѣдь брапитъ,—не отъ него напасть на Мишку косолапаго обрушилась...

ЗАЯЦЪ-ХРАБРЮГА.

Заяцъ возлѣ елочки поскакиваетъ, лапochку о лапochку поколачиваетъ,—самъ ухо держитъ востро!.. Вѣтка хрустнетъ,—у зайца сердце замретъ; листикъ на хвостикъ } ему упадетъ, — задрожитъ, бѣдняга; лягушка квакнетъ,—заяцъ обомретъ.

Вылѣзла лягушка изъ болота, стала косога стыдить:

— Всѣхъ-то ты боишься, ото всякаго сломя голову бѣжишь. Трусь ты былъ, трусомъ и остался.

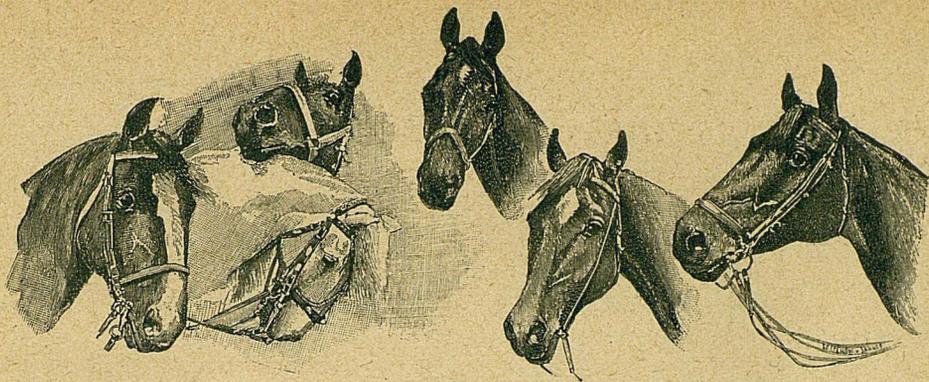
И обидѣлся заяцъ,—на заднія лапки сѣлъ, мордашку поднялъ, уши наострилъ,—хватъ-хватомъ!.. И говоритъ лягушкѣ обидчицѣ:

— Я—трусь?.. Я, матушка, только теперь трушу. А кабы на свѣтѣ бѣломъ никого не было, а я бы одинъ-одинешенекъ остался во всемъ лѣсу темномъ, такъ не было бы звѣря храбрѣе да удалѣе меня. Вотъ что!..

Вотъ какіе храбрецы на бѣломъ свѣтѣ водятся!..

Досужая Мышка.

Лучшій другъ.

(РАЗСКАЗЪ.)

—
I.

Понимаешь, Карлъ Ивановичъ, — я — твой лучший другъ, — увѣрялъ бойкій воробей, забираясь въ кормушку Карла Ивановича самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Карломъ Ивановичемъ величали всѣ стараго иноходца. Иноходцами называются лошади за особенно быструю побѣжку, которая происходитъ отъ того, что они на ходу ставятъ ноги по-своему: лѣвую переднюю ногу вмѣстѣ съ лѣвой задней, правую переднюю съ правой задней. При верховой ѣздѣ иноходцы незамѣнимы, потому что не трясутъ въ

сѣдлѣ, несмотря на самый сильный ходъ. Когда Карлъ Ивановичъ былъ молодъ, его называли за малый ростъ Карликомъ. Потомъ, когда онъ началъ старѣть и изъ сѣраго постепенно превращался въ сиваго, его называли Карлушей. А теперь онъ совсѣмъ состарѣлся, и сѣрыми оставались только ноги до колѣнъ и кучый хвостъ, и кучера называли его Карломъ Ивановичемъ, что находили очень забавнымъ. Карлъ Ивановичъ былъ умный конь, хотя и съ большой хитрецей. Сказать проще: Карлъ Ивановичъ былъ лѣнивъ. Когда былъ молодъ, то старался изъ всѣхъ силъ, и всѣ его хвалили за бѣшеный ходъ, но потомъ Карлъ Ивановичъ догадался, что онъ былъ просто глупъ по молодости лѣтъ. Развѣ кого удивишь, хоть выскочи, для удовольствія кучера и хозяина, изъ собственной кожи?.. Люди хитрили, и Карлъ Ивановичъ хитрилъ. Когда его закладывали, особенно въ тяжелый лѣтній экипажъ, онъ, конечно, весь съеживался и уныло опускалъ голову.

— Это не лошадь, а свинья, — бранили Карла Ивановича кучера.

Когда хозяинъ Карла Ивановича былъ молодъ, онъ очень любилъ лошадей. Въ конюшнѣ

всегда стояло три лошади, и Карлу Иванычу было весело. Пріятно, въ самомъ дѣлѣ, поржать, когда вамъ сейчасъ же отвѣтитъ сосѣдь по стойлу; а еще пріятнѣе побѣгать по двору вмѣстѣ съ другими, покататься въ пыли и подражаться. У Карла Иваныча были крѣпкія ноги, и онъ умѣлъ отлично лягаться. Да и на зубы онъ тоже не могъ пожаловаться. Кажется, ужъ пятую кормушку разгрызалъ въ своей жизни.

Да, все это было, а потомъ хозяинъ состарѣлся и потерялъ всякую охоту къ лошадямъ. Карлъ Иванычъ остался совсѣмъ одинъ. И скучно дѣлалось старику, и обидно, когда кучеръ таскалъ у него овесъ. Раньше, когда было три лошади, послѣднее проходило, конечно, незамѣтно, да и хозяинъ самъ слѣдилъ, какъ кормятъ лошадей. А сейчасъ онъ и не заглядывалъ въ конюшню.

— Продать бы, баринъ, Карла Ивановича! — совѣтовали кучера. — Лучше купить новую лошадь, а то онъ напрасно только жретъ овесъ...

— Ну, и пусть его ѣстъ овесъ, — отвѣчалъ хозяинъ. — Когда околѣетъ, тогда и овса будетъ не нужно...

Развѣ не обидно было слушать такія рѣчи

„Сиди мирно и кури!..“

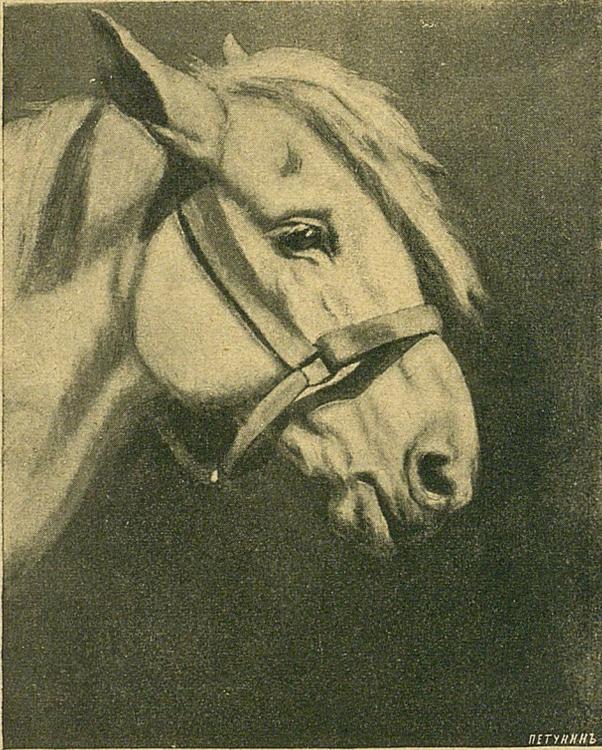

„Я сыграю тебе пьеску“.

заслуженному, убѣленному старческой сѣд-
ной коню? Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ огор-
ченій накоплялось больше. Карлу Иванычу
казалось, что прежде и овесъ, и сѣно были

гораздо вкус-
нѣе, вода чище,
солнце грѣло
теплѣе, зимой
не было такъ
холодно и т. д.
Даже дружба и
та исчезла не-
извѣстно куда.
А воробей, ко-
гда Карлу Ива-
нычу задавали
овса въ кор-
мушку, очевид-
но, для насмѣш-
ки, пищаль:

— Понима-
ешь, Карлъ Иванычъ, я—твой лучшій другъ!..
— Какой ты мнѣ другъ?—ворчалъ Карлъ
Иванычъ, съ трудомъ прожевывая овесъ. —
Ты просто воръ...
— Я?!. Воръ?!

— Конечно, воръ, потому что воруюшь у меня овесь.

— Эге-ге-ге... Это другіе воробьи, дѣйствительно, отчаянные воры, а я только изъ дружбы помогаю тебѣ съѣдать твою порцію. Да, вредно тебѣ на старости лѣтъ объѣдаться...

— Хорошо, хорошо, разговаривай... Про тебя и въ пѣснѣ прямо сказано: воръ-воробей.

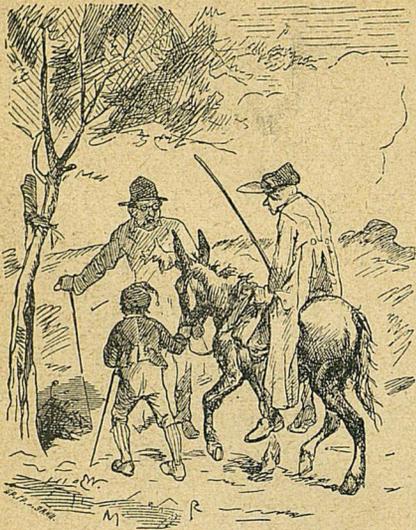
— Эхъ, Карлъ Иванычъ, Карлъ Иванычъ, дожилъ ты до старости, ничего не понимаешь. Тебя вотъ хозяинъ пожалѣлъ и прямо сказалъ, что будетъ кормить, пока не околѣешь... Такъ? А кто нашего брата воробья пожалѣетъ?.. Хоть двадцать разъ околѣвай, и никому дѣла нѣтъ. Да и все такъ... Вотъ я тебя люблю, а ты меня воромъ величаешь. Эхъ, Карлъ Иванычъ, нехорошо!..

Карлъ Иванычъ слушалъ эту болтовню и жевалъ свой овесь, зажмуривъ глаза, а воробей въ это время тащилъ у него изъ-подъ носу самыя лучшія зерна.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(До слѣдующей книжки.)

Ни такъ, ни сякъ.

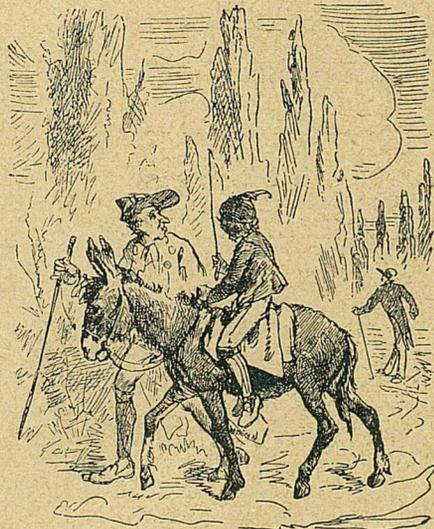
(По Гебелю.)

Крестьянинъ ѣхалъ какъ-то на
осленкѣ,
А сынъ его шелъ рядомъ съ нимъ
въ сторонкѣ
И велъ осленка подѣ уздцы...
Прохожій встрѣтилъ ихъ и мол-
вилъ:— „Молодцы!“

„Да развѣ дѣлають такъ добрые
отцы?..

„Самъ ѣдетъ на ослѣ и устали не
знаеть,

„А сына бѣднаго бѣжать съ нимъ
рядомъ заставляеть“...
Въ отвѣтъ крестьянинъ [слѣзь и
сына посадилъ...

Но мимо нихъ другой прохожій
проходилъ

И говорить:— „Въ умѣ ли ты, мл-
ляга?

„Самъ ѣдешь, а отецъ бѣжить
пѣшкомъ, бѣдняга!“

Въ отвѣтъ на то крестьянинъ къ
сыну взбрался,

И медленно оселъ дорогой по-
плелся.

И встрѣтилъ дальше ихъ еще одинъ
прохожій

И въ ужасѣ сказалъ:— „На что это по-
хоже?

„Такъ мучить бѣдное животное грѣшно,

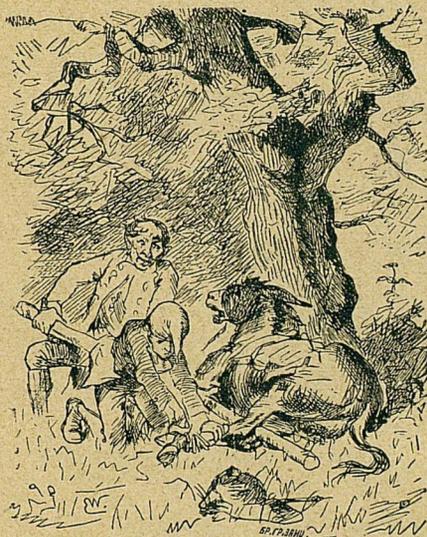
„Васъ двое,—а оно одно!..

Крестьянинъ почесалъ затылокъ:—

„Ну, дѣла!..“

И сына снялъ, и самъ сошелъ съ осла...

И всѣ втроемъ рядкомъ пошли пу-
темъ-дорогой...

И встрѣтилъ ихъ еще одинъ каратель
строгий...

— „Вотъ, дураки,—сказалъ,— идутъ
они пѣшкомъ,

„Да и осель бѣжить у нихъ порож-
някомъ!“

Тогда! крестьянинъ чуть съ бѣды не
обезумѣлъ,

И этотъ случай сдѣлать вотъ что на-
доумилъ:

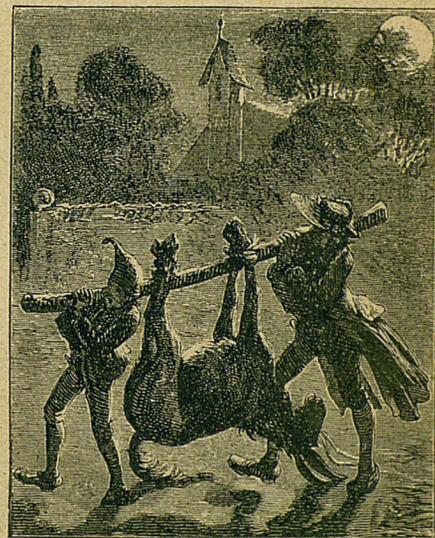
Связали ноги ослику, да палку под-
вели,

На плечи вскинули и къ дому по-
несли...

И правда, если слушать всѣ людскія
рѣчи,

Придется и осла взвалить себѣ на
плечи.

Д.

Снѣгурушка.

(Народная сказка).

Гдѣ и когда, ужъ сказать не умѣю,
Жилъ-быль старикъ со старухой своею;
Все ничего бы, да тошно ей-ей,
Какъ вотъ въ избѣ нѣтъ веселыхъ дѣтей!..
Разъ, это было зимою студеной,
За день, тяжелымъ трудомъ утомленный,
Вышелъ старикъ со старухой на дворъ;
Видятъ, ребята катаются съ горъ,
Снѣжную чучелу лѣпятъ на славу,
Дѣдъ и сказалъ:—„Слышь, мнѣ это по-праву!
„Слѣпимъ-ка чучелу, баба, съ тобой,
„Сердце потѣшимъ хоть дочкой такой!..
Чучелку лѣпятъ они на потѣху,
Дѣдъ-то старается, такъ, ради смѣху:
Вылѣпилъ ножки, и руки, и ротъ,
Носъ и глаза...—„Ну, старуха, живетъ!..
Вдругъ, что за чудо?.. Игрушка вздохнула,
Глазки раскрыла, на дѣда взглянула
И улыбунулась... И баба, и дѣдъ
Въ разъ обомлѣли:—„Снѣгурушка, свѣтъ!..
„Будь нашей дочкой любимой, касатка,
„Будетъ твоей—стариковская хатка!..
И, въ полушубокъ закутавши свой,
Баба снесла свою дочку домой...

Дѣдъ со старухой души въ ней не чають,
Кормятъ на славу, растятъ и ласкають.
Скоро Снѣгурка освоилась тамъ,
Стала расти не по днямъ,—по часамъ...
Всѣмъ-то съ ней весело, всѣмъ-то привольно,
Ласкова дѣвушка ясная больно...
Глазки—что звѣзды,—такая краса!..
Словно изъ золота—вьется коса,
Только блѣдна,—на лицѣ—ни кровинки,
А ужъ стройна,—пишутъ такъ на картинѣ...
Смотрятъ въ глаза ей и баба, и дѣдъ,
Отъ жениховъ и отбоя ужъ нѣтъ...

Вѣчно печальна была она что-то,
 Видны на личикѣ—грусть да забота,
 И утѣшало Снѣгурку одно,
 Какъ застучится къ ней вьюга въ окно
 Да изъ трубы буйный вѣтеръ завоетъ,
 Это и тѣшитъ ее, и покоитъ,
 Выйдетъ на дворъ и привольно вздохнетъ
 Вьюга-то снѣгомъ ее занесетъ,
 Вѣтеръ обниметъ ее и завѣтается,—
 Все нипочемъ ей,—задорно смѣется...
 Только зима начала затихать,
 Только улегся морозъ отдыхать,
 Снѣжную тучу раскинуло солнце
 И заглянуло теплѣе въ оконце,—
 Стала Снѣгурушка больше скучать,
 Ниже головку на грудь опускать,
 Словно ей съ горемъ-то трудно бороться...
 Шла она какъ-то съ водой отъ колодца,
 А ужъ весна ликовала кругомъ,
 Шла она тихо, ступая съ трудомъ,
 Вся изгибалась отъ ноши, дрожала,—
 Вся она словно на солнцѣ сверкала...
 Вдругъ запаталась, схватилась за грудь,
 Замерло слово, не можетъ вздохнуть,
 Таетъ и таетъ, все больше, родная,
 Словно былинка, головку склоняя...
 Выбѣжалъ дѣдъ и старуха за нимъ...
 Чуть улыбнулась Снѣгурушка имъ
 И заклубилась облачкомъ яснымъ,
 И къ небесамъ, безконечно-прекраснымъ,
 Тихо, какъ тѣнь, поднялась отъ земли
 Выше и выше и скрылась вдали...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Мушки=сластушки.

(СКАЗОЧКА.)

Почуяли мухи медовые духи... взвились, полетѣли, летятъ—пищать:

— Ухъ, какъ сладко! Ухъ, какъ сладко!

Прилетѣли и на столъ сѣли... Боже, чего тутъ нѣтъ! Сахаръ, сухари, пирожки, сливки, варенье, колбасы, сыры, горки булокъ, печенія, — все такъ вкусно, все такъ пріятно... Растерялись мухи,—закружились у нихъ головы,—и ни съ мѣста... Сидятъ мушки, туда-сюда смотрятъ:

— Гдѣ же Медъ-Медовичъ, господинъ самый сладкій? Какъ чудесно надушенъ онъ, духъ его слышимъ, а гдѣ онъ,—не видимъ!—шепчутся мушки.

„Ш-ш-ш-с-с-с!“ — ворчитъ господинъ толстый, со всѣхъ сторонъ пузатый, съ короткой

шеей, малой головкой, стоять,—всѣхъ выше стоять,—на всѣхъ грозить:

— Охъ, уйду! Охъ, уйду... Ба-а!.. И вы тутъ, мухи?.. Къ меду? Не дамъ вамъ меду! Медъ вамъ вреденъ, медъ вамъ опасенъ... увязите ножки...

— Кто это такой уродъ... не любезный... Неприятно намъ тебя слушать! — подлетѣла молодая мушка и пискнула подъ самымъ носомъ урода...

— Я само-варь... само-варь... прочь! Такъ, сестрица, умою,—тутъ тебѣ и конецъ!..

И зашипѣлъ, забрызгалъ еще больше.

Смѣлая мушка кубаремъ покатила, пропала у мушки и свѣтъ въ глазахъ... Но и тутъ—молода-молода, но о медѣ не забыла...

— Ахъ, вотъ онъ милый, прелестный, наша радость!—пискнула мушка.—Вотъ онъ, тетушки, сестры, мушки-пѣвуньи!

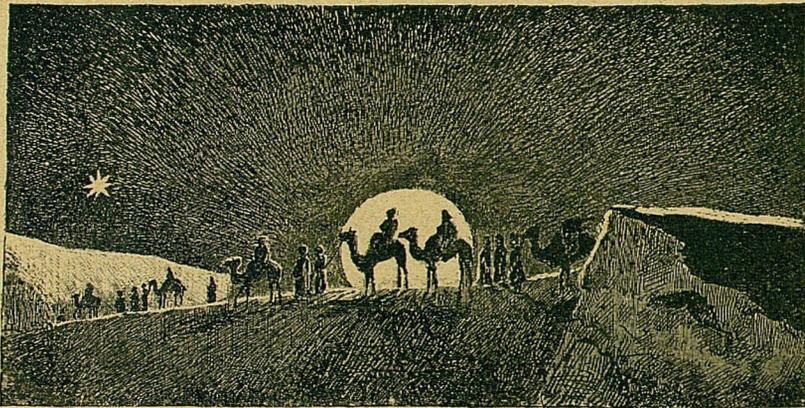
Гдѣ тутъ усидѣтъ мухамъ? Разомъ весь рой поднялся... Медъ, рассыпной, крупитчатый, какъ слезка чистый, самъ глядѣлъ на нихъ широкимъ сотомъ изъ-за самовара, съ голубого блюда... Понеслись мухи... Самоваръ вскипѣлъ отъ волненія:

— Куда? Экая дерзость! Вотъ я васъ!..

И охватило облако пара мушекъ-сластушекъ... И... о, ужасъ! Падаютъ, падаютъ мушки-сластушки,—туть имъ и конецъ!

Сладокъ медъ, да, знать, не каждой, мушкѣ до него добраться! Но молодая мушка добралась до меда, собралась его отвѣдать... и... и увязила ножки въ сладкой медовой слезкѣ...

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ.

Въ ожиданіи елки.

Съ матерью ребенокъ
 Разговоръ ведетъ:
 „Отчего такъ время
 .. Медленно идетъ?
 „Часъ ползетъ за часомъ,
 .. Вечеръ далеко,
 „Такъ вѣдь дожидаться
 .. Очень не легко.

„Я съ утра сегодня
 „На часы смотрю..
 „Весь отъ нетерпѣнья,
 „Кажется, сторю“.
 И съ улыбкой кроткой
 Отвѣчаетъ мать:
 — „Потерпи немного,
 „Ужъ недолго ждать.

„Подождать немножко,
 „Право, не бѣда...
 „И проходитъ время
 „Такъ же, какъ всегда.
 „Чась—какъ чась...не больше...
 „Шестьдесятъ минутъ...
 „Вотъ часы... послушай...
 „Ужъ четыре бьютъ“.
 И сына ласкаетъ
 Мать рукой, шутя;
 Но къ родимой снова
 Пристаетъ дитя:
 — „Мамочка, отвѣтъ мнѣ
 „На одинъ вопросъ:
 „Правда ль, что сегодня
 „Родился Христосъ?“
 — „Ну, конечно, милый..
 „Много-много лѣтъ
 „Этотъ день великій
 „Празднуетъ весь свѣтъ.
 „Въ жаркой Палестинѣ,
 „Далеко отъ насъ,
 „Родился Младенецъ
 „Въ незабвенный чась.
 „Вѣсть повѣдалъ ангель
 „Пастухамъ простымъ...
 „Мы событье это
 „Ежегодно чтимъ“.
 Но опять малютка
 Продолжаетъ рѣчь:

— „Вѣдь сегодня елку
 „Богъ велитъ зажечь“.
 Улыбнулась мама,—
 Стало ей смѣшно:
 — „Нѣтъ, такой обычай
 „Есть у насъ давно“.
 И вставляетъ слово
 Мальчуганъ опять:
 — „А у насъ-то стануть
 „Елку зажигать?“
 Легкій смѣхъ у мамы
 Виденъ по глазамъ:
 — „Вечеромъ сегодня
 „Все узнаешь самъ“.
 Тутъ сдержаться трудно,—
 Къ двери сынъ бѣжитъ
 И, восторга полный,
 Матери кричитъ:
 — „Мама, дай хоть въ шелку
 „Запустить глазокъ,
 „Хочется мнѣ елку
 „Видѣть хоть разокъ!“
 Но поймала мама
 Рѣзваго сына:
 — „Будетъ все, голубчикъ,
 „Посиди пока.
 „Жди, пока заблещетъ
 „Первая звѣзда...
 „Потерпѣть немного,
 „Право, не бѣда“.

Л. Медвѣдевъ.

Волчья приманка.

I.

БЫЛО восемь часовъ вечера, когда я выѣхалъ съ постоялаго двора. Сѣлъ въ простыя сани-розвальни, на солому; за кучера сталъ впереди на колѣни татарчонокъ Юлай, и мы тронулись въ путь.

— Смотри, Юлай,—крикнулъ хозяинъ постоялаго двора,—не вывали барины!

Юлай только улыбнулся.

— Да онъ совсѣмъ мальчишка, — сказалъ я,—и ѣхать-то страшно съ нимъ.

— Да никого другого нѣтъ, — сказалъ хозяинъ.—Смотри, Юлай, осторожнѣй вези.

— Ладно! — сказалъ Юлай и задергалъ вожжами.

А ночь была ясная, свѣтлая. Полная луна сіяла на небѣ; звѣзды разсыпались по темному

небу и словно играли и мигали мнѣ своимъ переливчатымъ свѣтомъ...

II.

Лошадь была маленькая, слабосильная. Еле ноги переставляетъ. Надо было ѣхать верстъ десять.— „Часа два проѣдемъ“, — подумалъ я. Дорога шла все лѣсомъ. Чудно хорошо было тутъ. Стоять ели и березы,—всѣ густо убранныя инеемъ, словно въ парчевомъ уборѣ съ серебромъ; каждую вѣтку, каждый кустикъ старательно опушилъ дѣдка-морозъ; не мало ему, старику, тутъ работы пришлось... И тамъ, и тутъ отъ луннаго блеска горятъ миліоны искорокъ на снѣгу,—глазамъ даже больно... А тихо-то, тихо-то какъ!.. Словно замерло все въ ожиданіи, словно сторожатъ кого эти величественныя, сѣдые ели, эти вѣчно печальныя березы, что бессильно свѣсили къ землѣ свои тонкія гроздя вѣтокъ, какъ распущенныя косы,—стоятъ и словно безмолвно молятся... Только мы одни и нарушаемъ эту чудную тишину. Визжитъ снѣгъ подъ полозьями, всхрапываетъ наша лошаденка, и все покрываетъ однообразный звонъ надтреснутаго колокольчика...

Я его слушалъ, слушалъ да и задремалъ... Вотъ я сплю и носомъ клюю, а самъ все слышу, какъ колокольчикъ звенить: — динь-динь-динь-динь...

III.

Только чувствую, — толкаетъ меня кто-то...

Открылъ глаза, а это Юлай... Дергаетъ онъ вожжами въ испугѣ и все назадъ оглядывается... Лицо у него испуганное, а глаза-то огнемъ-полымемъ горять...

— Бачка!.. — бормочетъ. — Бачка... гляди, волки за нами!..

Я оглянулся, — и точно... Пять-шесть штукъ ихъ за нами слѣдомъ бѣжить...

А лошаденка хоть и испугалась и уши прижала, а бѣжить еле-еле...

У меня ружья не было, а только револьверъ... Намѣтился я, — выстрѣлилъ... Упалъ одинъ волкъ, — остальные стали надъ нимъ, нюхаютъ его... Лошаденка выстрѣла испугалась, — побѣжала быстрѣе... Вотъ мы немного опередили волковъ, я и говорю:

— Уѣдемъ мы отъ нихъ, Юлай?..

Замоталъ татарчонокъ головой.

— Не уѣдемъ. Они что дальше, то злѣе

будутъ. Теперь за санями бѣгутъ,—тамъ въ сани бросаться будутъ, на лошадь...

Сжалось сердце у меня.—„Вотъ,—думаю,—такъ штука“...

IV.

А волки бѣгутъ опять за нами и съ каждой минутой все ближе да ближе...

Одинъ опередилъ, бѣжитъ и языкъ, какъ собака, набокъ свѣсилъ, дышетъ тяжело...

— Какъ же быть, Юлай?—спрашиваю я.

Молчитъ мой татарчонокъ. Съежился весь въ комочекъ и ни-гу-гу...

„Плохо дѣло!—думаю.—Попали мы въ бѣду“.

А ночь — тихая, ясная, свѣтлая... Луна словно застыла на небѣ, нѣтъ ей дѣла до насъ, горюновъ. И звѣзды по-прежнему весело мигаютъ трепетнымъ, голубоватымъ свѣтомъ...

Вдругъ Юлай обернулся ко мнѣ и говоритъ:

— Бачка, править ты умѣешь?

— Умѣю!—говорю я ему.

А онъ мнѣ суетъ вожжи въ руки и говоритъ:

— Бачка, давай твой мѣшокъ съ закуской.

— На, бери!

Взялъ онъ мѣшокъ, перекинулъ его черезъ плечо и опять говоритъ:

— Слушай, бачка, намѣться, стрѣльни да уложи еще одного волка.

— Ну? Зачѣмъ?—спрашиваю я.

— А вотъ увидишь... Да что увидишь,— не дивись тому, а гони одинъ лошадь! А я тутъ останусь. Дорога тебѣ одна будетъ, все прямо...

— Да постой,—говорю,—чего ты?..

А онъ какъ гаркнетъ на меня:

— Стрѣлай, говорятъ,—н-ну!..

Я намѣтился и выстрѣлилъ...

Упалъ волкъ, стая снова надъ нимъ остановились...

У.

И вдругъ, обомлѣлъ я даже, — соскочилъ Юлай съ саней да по сугробамъ—къ осинѣ.

Смотрю,—карабкается, лѣзетъ, а самъ во всю глотку оретъ: — „А-я-я-я-яй... Ой-ой-ой, а-я-я-яй“...

И вижу, — волки метнулись за нимъ, къ дереву, — про меня и забыли,—скачутъ, визжать, зубами щелкаютъ.

И тутъ только смекнулъ я весь планъ Юлая... Понялъ, что мнѣ надо было дѣлать,—стегнулъ лошадь... Я былъ теперь одинъ,—

и ей легче было, она и припустила вскачь. А я-то ее гоню, вожжами дергаю, не своимъ голосомъ на нее кричу...

Въѣхаль на холмикъ,—смотрю—внизу деревня, огоньки мигаютъ кое-гдѣ по окнамъ...

Подлетѣлъ я къ крайней избѣ, гдѣ меня трое моихъ пріятелей-охотниковъ ждали, съ саней-то кубаремъ да къ окошку.

— Эй,—кричу,—выходите, да скорѣе!..

Выскочили ко мнѣ всѣ съ перепугу, а я имъ едва могу слово сказать.

Кое-какъ живо рассказалъ, въ чемъ дѣло... Живо запрягли пару лошадей въ сани, усѣлись мы да и айда къ Юлаю на выручку...

VI.

Ва четверть версты стрѣлятъ мы въ воздухъ стали, чтобы Юлая ободрить,—ѣдемъ-де къ тебѣ на выручку.. Стали ближе подъѣзжать,—смотримъ, а волки другъ за дружкой пятятся, пятятся за маленькія елочки...

Выстрѣлили мы по нимъ еще разъ залпомъ да и къ Юлаю...

Сняли бѣднягу; закоченѣлъ, перепугался мальчишка; весь дрожмя дрожить, словно осип-

новый листъ, и плачетъ горькими слезами съ перепугу...

А я его все-таки обнялъ да въ мокрую рожицу и поцѣловаль.

— Спасибо,—говорю,—тебѣ, Юлай!..

А онъ смотритъ на меня во всѣ глаза и не понимаетъ, за что ему „спасибо“ говорятъ.

Мы бы вотъ, кабы такое дѣло вышло, расхвастались бы, а онъ не то. Сдѣлалъ такое дѣло и знать ничего не хочетъ.

Какъ приѣхали домой, Юлая снесли скорѣе въ избу да на печку уложили. А онъ поманилъ меня пальцемъ да и спрашиваетъ:

— Бачка, а ты на меня не сердисься?

— А за что, Юлай?—спрашиваю его я.

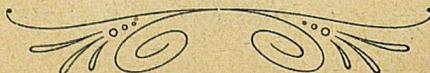
— А закуску-то твою я волкамъ stravиль, по кусочкамъ бросаль, чтобъ ихъ у дерева удержать да и самъ малость поѣлъ съ горя-то...

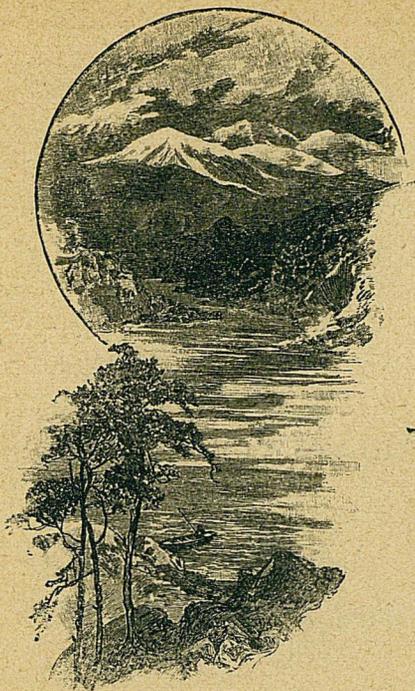
Засмѣялся я и говорю:

— Чтò ты, Юлай, спи спокойно. А тебѣ вотъ еще разъ „спасибо“.

И я ему крѣпко пожалъ руку...

А. Федоровъ-Давыдовъ.

Тоже елка.

Изъ деревни намъ привезли двѣ елки: одну — такую большую, лохматую и высокую-высокую, а другую — маленькую, но тоже прехорошенькую.

— Это непременно дочка старой елки, — сказала Таня.

— Какой вздоръ, просто ничья елка! — важно замѣтилъ гимназистъ Володя.

Таня надулась, хотѣла обидѣться, но раздумала, потому что теперь было некогда, и махнула рукой на Володю.

— Я устрою прехорошенькую елку для своихъ куколъ! — сказала она. — А Володю не приглашу.

— Да я и не кукла! — обидѣлся Володя, повернулся и вышелъ изъ комнаты.

— Знаешь, Таня, — сказала я, — для куколъ дѣлать елку не стѣдуетъ: онѣ все равно не поймутъ. А вотъ папа мнѣ рассказывалъ, что въ чужихъ земляхъ устраиваютъ тоже елки для животныхъ и птицъ. Для животныхъ въ лѣсу строятъ особыя ясли, куда кладутъ сѣно, овесъ. А для птицъ на крышахъ избъ втыкаютъ шестъ, надѣваютъ необмолоченный снопокъ. Птицы слетаются и клюютъ зѣрна. Вотъ и имъ праздникъ тоже.

— Ну, такъ что же? — спросила Таня.

— А вотъ что. Давай на елочку твою навѣшаемъ кусочковъ хлѣба, сала, виизу, подъ елкой, насыплемъ крошекъ и зеренъ и выставимъ эту елку на подоконникъ. Голуби, воробьи

слетятся и станут клевать. То-то интересно будетъ наблюдать за ними.

Таня завизжала отъ радости, даже на полъ присѣла.

— Господи! Какая ты, Оля, умница! — всплеснула она руками. — Да это предестъ что такое!..

Вотъ мы такъ и сдѣлали. Навѣшали кусочковъ бѣлаго и чернаго хлѣба, пряниковъ, сахара на вѣтку елки; подъ елкой на дощечки разсыпали зерна, крошки хлѣба.

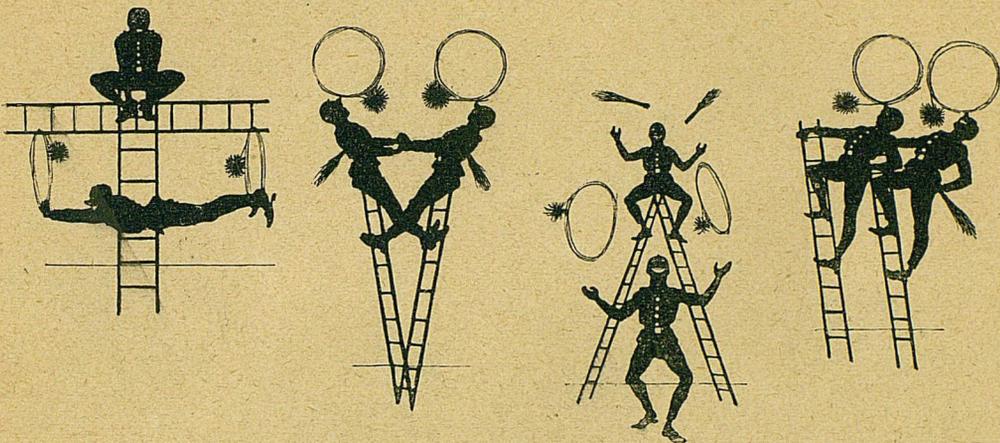
Дворникъ Акимъ вынесъ елочку и поставилъ ее на подоконникъ, противъ окна..

Сначала долго птицы боялись елки и все кружились около нея. А потомъ какой-то отчаянный воробей, весь мокрый, взъерошенный, съ перебитымъ хвостомъ, шарахнулся на дощечку и ну живо-живо подбирать зерна. Видно, что наголодался бѣдняжка..

А какъ товарищи увидали, что воробей благодумствуетъ и ничего ему за это, слетѣли и они подъ елку, — и пошелъ тутъ пиръ горой, пошла драка, возня.. Потѣха просто!..

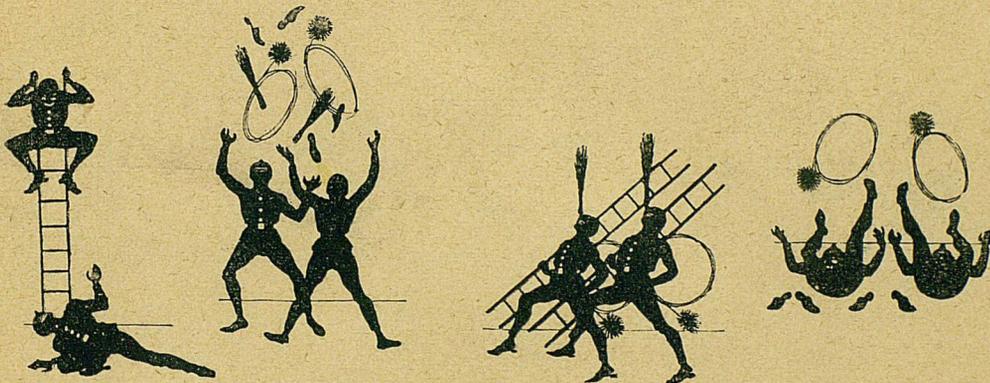
Мы всѣ стояли у окна и любовались на нашихъ новыхъ гостей, нашу птичью елку, покамѣстъ насъ самихъ не позвали зажигать нашу елку.

ПОТЪШНАЯ СТРАНИЧКА.

Про веселыхъ трубочистовъ.

Собралися въ часъ досуга
Трубочисты — оба друга —
Распотѣшить на часокъ
Тѣхъ, кто любить „Свѣтлячокъ“...
Ну, глаза берите въ руки,
Тутъ не будетъ мѣста скукѣ, —

Въ циркѣ эту благодать
Не придется повидать...
Они рады васъ потѣшить... —
Поработавъ, носъ не вѣшать!..

Нѣтъ, смѣлѣй на все гляди,—
 Радость будетъ впереди!..
 Трубочисты вонъ смѣются,
 Скачутъ, прыгаютъ и бьются...
 Ихъ работа тяжела,
 Ихъ работа—не бѣла.

Но гнушаться стыдно ими,
 Трубочистами моими,
 Ихъ, какъ тружениковъ всѣхъ,
 Уважать, любить не грѣхъ.

А теперь глядите только,
 Силы, ловкости въ нихъ сколько,
 Какъ хотятъ они сейчасъ
 Разсмѣшить, потѣшить васъ.

Ткачъ-Основа.

Прими, душенька!..